

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Стаття присвячена аналізу оригінальної концепції техніки Освальда Шпенглера, впливу техніки на долю західноєвропейської цивілізації.

Ключові слова: *культура, цивілізація, філософія, техніка, всесвітня історія, людство.*

Статья посвящена анализу оригинальной концепции техники Освальда Шпенглера, влиянию техники на судьбу западноевропейской цивилизации.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, философия, техника, всемирная история, человечество.*

The article is devoted to the analysis of Oswald Shpengler's model; especially, the technique progress impact on the West European civilization.

Key words: *culture, civilization, philosophy, world history, humanity, technique progress.*

Актуальность исследования обусловлена глобальными вызовами, связанными с развитием техники: деградацией окружающей среды, человека, радикальными изменениями структуры общества, тупиками экономического роста и отсутствием приемлемых практических и теоретических решений для этих вызовов.

Целью статьи является исследование с позиций современного уровня техногенной цивилизации основного тезиса философии техники О. Шпенглера, а именно: западноевропейскую цивилизацию погубит техника.

Помимо той литературы, что указана в конце статьи, авторы опирались также на следующие источники: Шубин В.И. Культура. Техника. Образование: учебное пособие для технических университетов. – Днепропетровск, 1999 [5];

Капитон В.П., Бескаравайный С.С. Философия техники. – Днепропетровск: ДГФА, 2010 [13].

Изложение основного материала. Немецкий мыслитель первой трети XX в. Освальд Шпенглер (1880-1936) не был основоположником философии техники как относительно самостоятельного направления в философии, но он был ярким его представителем. Уже в те годы он смог увидеть в развитии техники нарастающую угрозу человеческой цивилизации.

Рождение философии техники чаще всего связывают с появлением в 1877 г. работы Э. Каппа «Основные черты философии техники», которая была переиздана в ФРГ столетие спустя, а на русском издана в 1986 г. После О. Шпенглера техника стала объектом

философской рефлексии таких мыслителей, как Ф. Дессауэр, Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. Эллюль, Д. Белл, О. Тоффлер, Х. Сколимовски и многих других. Их работы, в особенности такие, как «Человек и машина» Н.А. Бердяева [3], «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета [6], «Вопрос о технике» М. Хайдеггера [8], «Современная техника» К. Ясперса [8], «Философия техники или философия человека» Х. Сколимовски [8] усилили внимание к главной проблеме философии техники О. Шпенглера – к глобальной роли технического прогресса в судьбе «фаустовской» цивилизации. В первой трети предыдущего столетия он смог увидеть в развитии техники нарастающую угрозу человеческой цивилизации. В настоящее время сложилось целое философское течение – **философия техники**.

О технике О. Шпенглер размышляет во втором томе «Заката Европы» (1922 г.) в 5 главе «Мир форм экономической жизни». Однако более подробно данную проблему он рассматривает в специальном трактате «Человек и техника», вышедшем в Мюнхене в 1932 г. Между вторым томом своего «эпохального», по его словам, труда и трактатом о технике прошло целое десятилетие и, естественно, имел место сдвиг в оценке феномена техники и ее роли в судьбе «фаустовской» цивилизации. Технику он понимает широко, полагая, что она так же стара, как и сам человек. «Техника, – пишет он в «Закате Европы», – имеет тот же возраст, что и свободно движущаяся в пространстве жизнь вообще» [10, с. 529]. Сначала человек подражал природе, но затем отважился играть в божество, т. е. с помощью средств и методов, использующих законы космического ритма, стал в противоположность природе создавать искусственные вещи, к которым, несомненно, относится и техника.

Ранним цивилизациям, конечно, сопутствовала примитивная техника. К тому же, по мнению О. Шпенглера, импульс к техническому прогрессу далеко не одинаков в различных культурах и цивилизациях. «Вряд ли нужно кого-то убеждать в том, – замечает он, – что античному человеку с его эвклидовым ощущением окружающего мира враждебна уже сама идея техники» [10, с. 531]. Созерцательная культура не ориентирует на преобразование мира, человек является мерой всех вещей, но человек созерцающий, стремящийся к автаркии, ставит теорию, размышление неизмеримо выше практики, действия, ремесла. Автоматы Герона воспринимались не более как развлечение, а китайские и ассирийские военные машины значительно превосходили античные катапульты. Имели место, конечно, технические идеи, но они не опредмечивались в жизнетворчество.

Что касается восточных культур и цивилизаций, то и они не были заряжены духом технического творчества. Индийская культура разрабатывала технику медитации, т. е. провоцировала на преображение субъекта, а не объекта. К тому же проповедь недеяния, особенно в джайнизме и буддизме, вообще игнорировала интерес к научным исследованиям и техническим изобретениям. В этом плане почти полярной индийской была китайская цивилизация, чуждая

мистицизма и с сильной струей рационализма, как это имело место в конфуцианстве. По этому поводу О. Шпенглер замечает: «Китайская культура сделала едва ли не все те изобретения, что и западноевропейская, в том числе компас, подзорную трубу, книгопечатание, порох, бумагу, фарфор, однако китаец кое-что выманивает у природы лаской, он ее не насилует. Он вполне ощущает преимущества своего знания и ими пользуется, однако не набрасывается на них, чтобы эксплуатировать... Чем-то в совершенно ином роде оказывается фаустовская техника, уже на заре готики со всей страстью третьего измерения напирания на природу, чтобы ее **одолеть**. Здесь, и только здесь, самоочевидна связь между узрением и реализацией. С самого начала теория оказывается рабочей гипотезой. Античный мудрец «созерцает», как аристотелевское божество, арабский - как алхимик, отыскивает волшебное средство – философский камень, с помощью которого можно будет без труда овладеть сокровищами природы, западный - желает **управлять** миром по своей воле» [10, с. 532].

Таким образом, техника – это система воли к власти, что в потенции содержалась и в прежних цивилизациях, особенно в египетской и китайской, но полностью проявилась лишь в западноевропейской. Фауст – символ подлинно научно-технической мысли и практики, и, как замечает О. Шпенглер, «...западная культура в подлинно трагическом масштабе переживает настоящую оргию этого разнузданного мышления» [10, с. 531]. Но начинается мышление с попыток отвоевать у Бога тайны, допросить природу с пристрастием с помощью опыта и научного метода. Францисканский монах Роджер Бэкон уже в XIII в. определяет естествознание как «экспериментальную науку» и обдумывает в своей келье паровую машину, пароход и самолет, а доминиканец Петр Перегрин мечтает о вечном двигателе, с помощью которого человек лишил бы Бога его всемогущества. Они создали **идею машины**, с помощью которой, в случае опредмечивания идеи, можно стать Богом и подчинить космос своей воле. В этом и суть фаустовских дерзаний, которые выводят за границу молитвенного благочестия к богоборчеству, к греху, ибо Машина – от Дьявола, как это и воспринималось подлинной Верой. В глазах верующего человека она означает ниспровержение Бога. На волне этих стремлений, усиленных рационализмом Нового времени, и возникает **паровая машина**, спровоцировавшая **промышленную революцию**. «До этого времени природа оказывала человеку услуги, теперь же она, как рабыня, впрягается в ярмо, и труд ее, как бы в насмешку, оценивается в лошадиных силах. ...Культура взошла на такой уровень деятельности, что под ней трясется Земля» [10, с. 533-534].

О. Шпенглер постоянно подчеркивает, что этот технический триумф – завоевание лишь одной культуры – «фаустовской» и только на ограниченное число столетий. Промышленную экономику создала буржуазия и в этом пункте он согласен с К. Марксом – но буржуазия одной – единственной цивилизации, а именно западноевропейской. Неевропеец – японец или индус, русский или араб – внутренне

отвергают это чудовищное изобретение и «...русский ...когда-нибудь он сотрет все это из своей памяти и своего окружения и создаст вокруг себя совершенно другой мир, в котором не будет ничего из этой дьявольской техники» [9, с. 536]. О. Шпенглер полагал, что после гибели восьмой, т.е. западной, цивилизации на смену ей придет девятая, «русско-сибирская» цивилизация.

В трактате «Человек и техника» акценты несколько смещаются. Во-первых, он отходит от жесткой концепции цикличности и пытается проследить историю не только «фаустовской» техники, но техники вообще «как тактики всей жизни» [4, с. 453], т. е. ее истоки в докультурном состоянии человечества и линию технического прогресса вплоть до современности. Во-вторых, более четко, чем в «Закате Европы», проводится мысль о том, что техника прежде всего есть средство борьбы с природой, которое «фаустовский» человек использует, чтобы утвердить свою волю к власти, могуществу, господству над природой. «Самому построить мир, самому стать богом – вот мечта фаустовских изобретателей, от которой пошли все проекты машин, насколько возможно приблизившиеся к недостижимой цели создания *perpetuum mobile*» [4, с. 454]. В-третьих, здесь он не отходит от тезиса, проводимого в «Закате Европы», что европейская техника внутренне чужда другим расам: русскому, японцу, китайцу, индусу, арабу. Но О. Шпенглер констатирует тенденцию к усвоению другими расами и народами технических достижений Запада, с тем, чтобы использовать их против европейского мира, в результате чего европейская культура может стать жертвой других рас. Восприимчивость к технике не исключает её чуждости этим культурам. О. Шпенглер так пишет об этом: «Но для цветных – а в их число входят и русские – фаустовская техника не является внутренней потребностью. Только фаустовский человек мыслит, чувствует и живет в этой форме. Ему она душевно необходима – не ее хозяйственные последствия, но ее победы... Для «цветного» она лишь оружие в борьбе с фаустовской цивилизацией, что-то вроде времянки в лесу, которую оставляют, когда она выполнила свою функцию» [12, с. 491-492].

В-четвертых, и это **главное**, в отличии от «Заката Европы», в трактате «Человек и техника» О. Шпенглер не просто предрекает неминуемый конец европейской цивилизации как завершение «фаустовской» культуры, но указывает на непосредственную **причину** ее гибели. Ею станет безудержное и неконтролируемое развитие техники: «Творение восстает против своего творца... Властелин мира становится рабом машины. Она вовлекает его, нас и всех без исключения, знаем ли мы это, и хотим или нет, в свой бег. В этой бешеной упряжке свергнутый победитель будет загнан насмерть» [4, с. 455].

Когда это произойдет? Нетрудно вычислить, исходя из шпенглеровского предположения о существовании изолированных и замкнутых на себя культурах-монадах, – приблизительно через 1000 или 1200 лет. Отсчет западноевропейской культуры начинается с

1000 года. Стало быть, 2200 г. может стать ее концом. Но вот какой нюанс: вместе с «фаустовской» цивилизацией, по его мнению, погибнет и сама «фаустовская» техника. О. Шпенглер рисует воистину апокалипсическую картину. Железные дороги и пароходы так же, как когда-то римские дороги и китайская стена; гигантские города с их небоскребами, так же как дворцы старого Мемфиса и Вавилона однажды будут разрушены и забыты. «История этой техники быстро приближается к неизбежному концу. Она будет исчерпана, как и все великие формы любой культуры. Когда и каким образом, этого мы не знаем» [4, с. 456].

Значит ли это, что вместе с «фаустовской» культурой и порожденною ею техникой погибнет все человечество? Нет, конечно. О. Шпенглера сразу же после выхода «Заката Европы» обвинили в пессимизме, на что он, возражая, ответил в 1921 г. брошюрой «Пессимизм ли это?» [11]. Он пессимист лишь в оценке судьбы западноевропейской культуры. В концепции О. Шпенглера культуры временны, но человечество вечно. Из лона определенного ландшафта, т.е. географической среды, и космических ритмов (в этом пункте он на несколько десятилетий опередил идею пассионарности Льва Гумилева) бодрствующее сознание определенного этноса породит новую культуру с принципиально новой и неповторимой душой – прасимволом и своей уникальной судьбой.

Таким образом, понятие прогресса и регресса О. Шпенглер относит только к изолированным культурам, а никак не к человечеству в целом. «Но, во всяком случае, что касается «целым человечеством», то я являюсь основательным и решительным пессимистом. Человечество для меня лишь зоологическая величина. Я не вижу ни прогресса, ни цели на пути человечества, кроме как в головах западноевропейских филистеров-прогрессистов. Я даже не вижу единого духа и еще меньше – единства стремления, чувства и разума у этой голой массы населения. Только в истории отдельных культур вижу я осмысленное направление жизни на цель, вижу я единство души, воли и переживания» [11, с. 178].

Почти по горячим следам откликнулись на размышления О. Шпенглера, Х. Ортега-и-Гассет и Н.А. Бердяев во втором томе «Заката Европы» О. Шпенглер фиксирует противоречивый характер развития техники. Какое-то удовлетворение от функционирования техники получают только вожди технического творчества, ибо они заняты умственным, организаторским и творчески-изобретательским трудом. Другое дело – исполнители, то есть большинство, занятое однообразным, монотонным трудом, не получающее никакой радости от работы на самых совершенных машинах. Вот эту линию и подхватывает Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» (гл. IX «Примитивизм и техника») он дает блестящий анализ ситуации, когда самая передовая техника оглушает человека [6, с. 146-150].

Н.А. Бердяев отталкивался уже от специального трактата О. Шпенглера «Человек и техника» (*Der Mensch und die Technik*. München, 1932 [11]), и его анализ техники, конечно, глубже и

панорамнее [3, с. 147-162]. Он согласен со О. Шпенглером в том плане, что вопрос о технике в XX в. становится вопросом судьбы культуры и самого человека, но отвергает его тезис о том, что техника есть проявление воли «фаустовского» человека, а не орудие, не средство. Наоборот, техника всегда есть средство в реализации человеческих целей, а сама по себе не есть цель. Другой вопрос, что технический прогресс может выйти из-под контроля человека. Тогда действительно творение может восстать против своего творца. Не соглашаясь полностью с апокалипсическими настроениями О. Шпенглера, Н.А. Бердяев, тем не менее, допускает и такой вариант развития цивилизации, когда прометеевский дух не сможет справиться с раскованными небывалыми энергиями и техника как средство превратится в самоцель.

Н.А. Бердяев ставит в качестве актуальной задачи создание философии техники. По его мнению, на эту тему написано много книг, но не сделано главное – не осознана техника как проблема духовная, как судьба человека. Машина рассматривается в основном извне, лишь в технологической или социальной плоскости, а у романтиков и в экологической; но изнутри она есть тема философии человеческого существования. Вслед за Х. Ортегой-и-Гассетом, он видит в технике средство массификации общественной жизни. Техника овладевает обширным пространством и огромными массами, ибо её принцип демократический. Все становится коллективным. Массовая техническая организация уничтожает всякую индивидуальность, всякое своеобразие и оригинальность; все становится анонимным и лишенным образа.

Н.А. Бердяев разделяет убеждения О. Шпенглера о том, что «техническая эпоха» тоже не вечна. Но в отличие от последнего, он верит в положительный исход. Эпоха неслыханной власти техники над человеческой душой кончится, но не отрицанием техники, а подчинением ее человеческому духу. Это не что иное, как надежда на обуздание неконтролируемой технической гонки. Здесь подстерегает опасность, которую Н.А. Бердяев именуется главной, а именно: техническая цивилизация опасна прежде всего для души, для душевно-эмоциональной стихии. Сердце не может жить в металлической среде, а оно и есть ядро души; машина же по природе своей антигуманистична.

Каким это ни странным может показаться, но Н.А. Бердяев в оценке негативных последствий научно-технического прогресса пессимистичней О. Шпенглера. Ведь последний не отождествляет конец «фаустовской» техники с концом всего человечества. После угасания цивилизации люди останутся, но продолжают жить, как выражается Шпенглер, «растительной жизнью». Не то у Н.А. Бердяева. Он пишет о двух возможных роковых последствиях. Во-первых, небольшая кучка людей, обладающая секретом технических изобретений, сможет тиранически держать в своей власти все человечество. Столь же возможно и другое: настанет время, утверждает Н.А. Бердяев, когда будут совершенные машины,

но человека больше не будет. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненадобностью. И вообще не будет органической жизни. Исключительная власть технизации и механизации влечет именно к этому пределу, ибо техника безжалостна ко всему живому.

Общий вывод Н.А. Бердяева таков: предстоит страшная борьба между личностью и технической цивилизацией, технозированным обществом. Это борьба между жизнью и смертью. Образ и подобие Божие в человеке техника стремится заменить образом и подобием Машины, т. е. расчеловеченным индивидом. Поэтому нельзя допустить автономии техники, она должна быть подчинена духу и духовным ценностям жизни.

В принципе, Н.А. Бердяев разделяет концепцию О. Шпенглера о соотношении культуры и цивилизации и неминуемом закате европейской культуры. Об этом недвусмысленно говорит его участие в сборнике статей «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922 г.), в котором был дан анализ первого тома «Заката Европы», а главное – содержалась его положительная оценка. В.И. Ленин назвал авторов сборника «взбесившимися шпенглерятами» и распорядился выслать строптивых профессоров за границу. Оно и понятно. Позиция О. Шпенглера и его российских почитателей резко противоречила марксистской концепции общественно-экономических формаций и неизбежного наступления коммунизма. До отъезда из Советской России Н.А. Бердяев успел опубликовать еще статью «Воля к жизни и воля к культуре», в которой содержалась беспощадная характеристика буржуазной техногенной цивилизации и выражалась солидарность с выводом О. Шпенглера о ее неизбежной гибели [2]. Ясно, что как О. Шпенглер, так и Н.А. Бердяев в дальнейшем были запрещены почти на протяжении семидесяти лет. Но и в нацистской Германии О. Шпенглера постигла такая же судьба, ибо его философия мировой истории начисто отвергала идею «тысячелетнего рейха».

Насколько плодотворной оказалась философия техники О. Шпенглера для последующего ее развития? Во-первых, была развита его мысль о том, что развитие техники подчиняется своей собственной логике, которая задает темп развития техники. Неотомист Ф. Дессауэр и экзистенциалист М. Хайдеггер тоже отвергают представление о том, что техника есть средство в руках человека. Наоборот, техника есть самостоятельный феномен, она первична по отношению к обществу, есть некой первоосновой. Человек «выдан» технике, «востребован» ею, и в этом истоки опасности, которые подстерегают человека. К. Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» почти в русле идей О. Шпенглера размышляет о такой возможности в существовании современной техногенной цивилизации, когда вместо прогресса наступит «мрак небытия» [4, с. 116].

В восьмидесятые годы XX в. в философии техники усилилось внимание к человеческому измерению научно-технического прогресса, хотя начало этой тенденции было положено в статье Н.А. Бердяева «Человек и машина». Американский философ

Х. Сколимовски в своей статье «Философия техники как философия человека» само появление философии техники рассматривает как запоздалое признание роли техники в создании, а потом и разрушении европейской цивилизации. Философия техники обнаружила себя как философия человека, который отбросил иллюзии прогресса и вдруг обнаружил, что названная О. Шпенглером «фаустовская» цивилизация избрала неправильный способ общения с природой. Жаждающий знания и власти «фаустовский» человек создал техническую цивилизацию, которая грозит человечеству полной катастрофой, о чем пророчески писал О. Шпенглер в тридцатые годы ушедшего столетия [8].

Еще И. Кант в работах «критического периода» пытался рассматривать науку и технику в единстве с социально-культурной проблематикой, дополнить их антропологией. Особенно волновала эта проблема В.И. Вернадского. Концепция ноосферы, выдвинутая им, ориентировала на подчинение науки и техники гуманистическим целям [7]. С тех пор техносфера общества продолжает стремительно расширяться, и гуманистический вектор научно-технического прогресса не усиливается, а неуклонно слабеет. Об этом, в частности, свидетельствовали отчаянные попытки «Римского клуба» (А. Печчеи) переломить ситуацию и добиться хотя бы «нулевого роста» добычи и потребления сырьевых ресурсов. Все конструктивные попытки подчинить техносферу человеку кончаются крахом. А причина очевидна, и о ней писал еще Н.А. Бердяев в статье «Воля к жизни и воля к культуре» – это «маммонизм», т.е. погоня за наживой, за золотым тельцом любой ценой, даже ценой движения к пропасти. Видимо, действительно закат Европы неизбежен.

«Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западно-европейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян. Угасла не череда человеческих поколений; отсутствовала уже сама внутренняя форма народа, соединяющая какое-то количество народов в едином жесте. *Civis Romanus*, один из наиболее мощных символов античного бытия, просуществовал-таки в качестве формы всего лишь несколько столетий. Но и сам первофеномен великих культур однажды снова исчезнет, а с ним и вся драма мировой истории, и, наконец, и сам человек, а дальше и феномен растительной и животной жизни на земной поверхности, земля, солнце и весь мир солнечных систем. Всякое искусство смертно, не только отдельные творения, но и сами искусства. Настанет день, когда перестанут существовать последний портрет Рембрандта и последний такт моцартовской музыки – хотя раскрашенный холст и нотный лист, возможно, и останутся, – так как исчезнет последний глаз и последнее ухо, которым был доступен язык их форм. Преходяща любая мысль, любая вера, любая наука, стоит только угаснуть умам, которые с необходимостью ощущали миры своих «вечных истин» как истинные. Преходящи даже звездные миры, которые «являлись» астрономам с Нила и Евфрата как миры для глаза, ибо наш – столь же преходящий глаз – совсем иной. Мы знаем это.

Животное этого не знает, а то, чего оно не знает, отсутствует в переживании им окружающего мира. Но вместе с картиной прошлого исчезает и тоскующее вожделение предать преходящему какой-то более глубокий смысл. И вот же мысль о чисто человеческом макрокосме можно снова связать со словом, которому будет посвящено дальнейшее изложение: все преходящее есть лишь подобье» [9, с. 329].

Вывод: философия техники О. Шпенглера была действительным прозрением для его времени. Но тогда она не была по достоинству оценена. Однако последующее расширение техносферы и достижения философии техники XX ст. выявили дальное действие идей немецкого мыслителя.

Использованная литература

1. *Oswald Spengler: Der Mensch und die Technik* С.Н. Beck, München 1931 (88 S.) .

2. *Бердяев, Н.А.* Воля к жизни и воля к культуре / *Н.А. Бердяев* // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. – М. : Политиздат, 1990. - С. 73-83.

3. *Бердяев, Н.А.* Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147-162.

4. *Зотов, А.Ф.* Буржуазная философия середины XIX – начала XX века / А.Ф. Зотов, Ю.К. Мельвиль. – М. : Высшая школа, 1988.

5. *Капитон, В.П.* Философия техники / В.П. Капитон, С.С. Бескаравайный. – Днепропетровск : ДГФА, 2011. – 302 с.

6. *Ортега -и-Гассет, Х.* Восстание масс / Ортега -и-Гассет Х. // Вопросы философии. – 1989. – № 3. - С. 119-154.

7. *Смотрицкий, Е.Ю.* Гуманистическая концепция техники и технического прогресса в трудах В.И. Вернадского / Е.Ю. Смотрицкий, Шубин В.И. // Философские проблемы современного естествознания. - Выпуск 71 : Философские проблемы технических наук. – К. : Вища школа, 1989. - С. 13-18.

8. Новая технократическая волна на Западе / М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. Эллюль, Д. Белла, Тоффлер О., Сколимовски Х. и др. – М. : Прогресс, 1986.

9. *Шпенглер, О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. - В 2-х т. – Том 1. – М. : Мысль, 1993.

10. *Шпенглер, О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. - В 2-х т. – Том 2. – М. : Мысль 1998.

11. *Шпенглер О.* Пессимизм ли это? / О. Шпенглер // Новые идеи в философии. – М. : Наука, 1991. – С. 166-182.

12. *Шпенглер О.* Человек и техника : антология / О. Шпенглер // Культурология XX век. – М. : Юрист, 1995. – 703 с. – С. 454-496.

13. *Шубин, В.И.* Культура. Техника. Образование : учеб. пособие / В.И. Шубин. – Днепропетровск: Полиграфист, 1999.

14. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель / Ясперс К.// Смысл и назначение истории. – М. : Республика, 1994. - С. 28-92, 253-271.

Статья поступила в редакцию 30.07.2013 г.